

20 апреля на заседании Политюро, осуждавшем события в Тбилиси, М.С.Горбачев, после доклада Э.А.Шеварднадзе, сказал:

“Кризис в Грузии не неожидан. Знала вся страна, что там что-то назревает. Шеварднадзе не раз обращал наше внимание на это. Патиашвили, насколько я его знаю, не глух к национальным интересам, но у него, как и у его товарищей, есть элементы паникерства, мнительности, и больше всего — расчет на силу. Недоставало характера вести политическую работу.

Грузинское руководство не наладило отношений с интеллигенцией. А ведь это грузинская интеллигенция! Она глубоко исторически связана с народом. Она — носитель национальной символики Грузии. Всё там — театр, кино, музыка — все несет в себе очень сильный национальный элемент, глубинную связь интеллигенции со своим народом. Если бы вовремя вовлечь интеллигенцию в процесс перемен, она наверняка отозвалась бы искренне и активно. А этого не было сделано. У Патиашвили тяга к “решительным действиям”.

Я давно говорил — давайте учиться работать в условиях демократии. Теперь вот все подтверждается. Политический метод наши кадры рассматривают как проявление слабости. Сила — вот это вещь! А вот переломить себя в демократическом духе, повести за собой искренних сторонников перестройки, привлечь людей даже с крайними взглядами — на это оказались в Грузии неспособны. Патиашвили — человек, с которым я ближе других в грузинском руководстве был связан, и мне трудно сейчас дать полный, правдивый политический анализ того, что произошло.

Кризис методов работы проявился не только в отношениях с интеллигенцией. Правильно это понять нужно не только для работы с интеллигенцией, но и для работы со всей страной. Тут

— источник происшедшего. И для политического анализа очень важно это понять. Иначе не найдем методов консолидации людей в процессе перемен.

Затрону в связи с этим такую тему, как информация, необходимая для принятия решения. Получая шифровки, я например, сразу вижу, где почерк ГРУ, где КГБ, где какого-то другого ведомства. Когда идет анализ ситуации в Прибалтике, сразу могу отличить, что там правда, а что нам навязывается как правда. (Обращается к Крючкову) — Владимир Александрович, я на тебя смотрю! Очень важно, сколько процентов волнений надо отнести на счет возмутителей спокойствия — подростков, а сколько связано с глубинным течением в нации.

С точки зрения информации давайте посмотрим на события в Тбилиси. Вот я прилетел в Москву. Мне во Внукове говорят: введены войска в Грузию. Это что? Так надо было? Тогда в аэропорту я не стал вникать, не поставил под сомнение это решение. Хотя сразу понял, что что-то назрело. Мне сказали, что это нужно было для охраны объектов, не больше. А комендантский час зачем нужен был? Не нужен он был. Там надо было членам ЦК идти к народу. А они, оказалось, все сидели в бункере. И уповали только на силу. Правильную информацию из Тбилиси мы стали получать позже. Может быть, надо было кому-то из КГБ туда поехать за информацией. Словом, если не будем иметь правильной и своевременной информации, объективных данных, не будет у нас и правильных решений. А в таких делах семь раз отмерь, сто раз отмерь и только потом отрежь — принимай решение.

Рыжков. Мы в эти дни в Москве были, а что мы знаем? Я — Председатель правительства, а что я знал? О гибели людей в Тбилиси в "Правде" прочитал. Секретари ЦК знали. А вот мы, члены Политбюро, в Правительстве, ничего не знали. И почему поездка Шеварднадзе была отменена — тоже не знаю.

Да, мы в Политбюро не должны паниковать. Но мы должны иметь своевременную и правдивую информацию. Куда это годится? Армию применили против народа. Командующий округом там действует, а мы в Москве ничего об этом не знаем. Он возьмет и арестует все Политбюро Грузии. И мы опять узнаем об этом из газет. И Михаил Сергеевич, оказывается, не знал. Так что же это такое у нас происходит? Армию применяем, а Генсек об этом узнает только на другой день. Как

мы выйдем и перед советским обществом и перед всем миром? Вообще у нас получается, куда ни погляди, что делаются дела без ведома Политбюро. Это еще хуже, чем если бы Политбюро что-то неправильно решило.

Горбачев обращается к Язову: Дмитрий Тимофеевич, отныне без решения Политбюро армия в таких делах не должна участвовать."

Архив Горбачев-Фонда. Фонд №2, опись №3. Запись Черняева А.С.